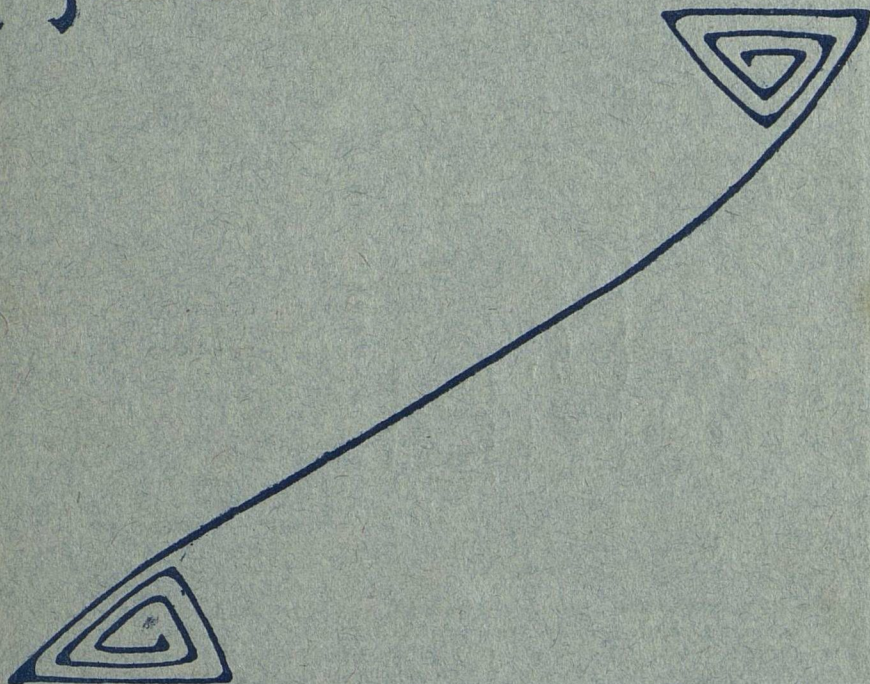

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 22.

1 Декабря
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общеизвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправления кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ крикнетъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинимъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербурѣ Н. К. Вяжлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ завѣдующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Сартянка.

№ 22.

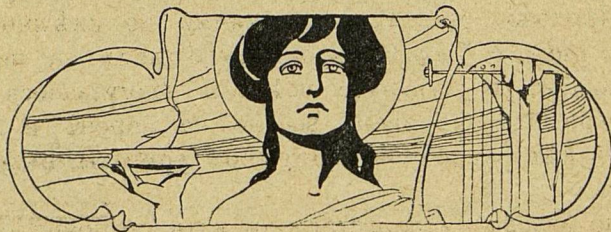
1 Декабря
1907 г.

Арагва.

Я видѣлъ Арагвы бурливыя воды,
Въ часъ утренней бури, грозы—непогоды.
Я видѣлъ, какъ быстро несется она,
Величья и прелести дикой полна.
Арагва узка и порой не глубока,
Но бѣшеный плескъ ея слышенъ далеко.
Я видѣлъ, какъ съ горъ къ ней несутся ручьи,
И съ шумомъ бросаютъ ей воды свои;
И съ ревомъ несется въ долину рѣка...
Кругомъ нея горы, лѣса, облака.
По скатамъ крутымъ, пріюта въ скалахъ,
Развалины, сакли... Тропинка змѣей
Средь скалъ этихъ вьется до самой вершины,
Кругомъ нея зелень по скатамъ стремнины,—
А дальше—лишь скалы однѣ, да снѣга.
Тумановъ ужъ нѣтъ; здѣсь одни облака...
Вонъ горецъ на самой вершинѣ стоитъ
И гордо на землю родную глядитъ;
Но облако вдругъ надъ горою почило
И горца и высь снѣговую закрыло.

Петровъ-Леонидовъ.

Митькино горе.

Разсказъ.

I.

На улицѣ бѣлый день, морозно, солнечное золото ярко искрится по снѣжной дорогѣ, по домамъ, но въ крошечной комнатѣ со сплошь запущеннымъ снѣжными узорами окномъ полутемно, холодно и скучно, скучно...

Митька, облокотившись на подоконникъ, усердно дулъ на замороженное стекло и отъ его теплаго дыханія на стеклѣ оттаяло свѣтлое круглое пятно. На видъ Митькѣ лѣтъ двѣнадцать; онъ бѣлобрысый, съ копной лянныхъ волосъ на головѣ, курносый, голубоглазый.

Въ эту минуту вниманіе мальчика сосредоточилось на оттаявшемъ стеклѣ; въ крошечный просвѣтъ онъ разглядѣлъ улицу, на противоположной сторонѣ одноэтажный домъ съ запущенными снѣжными узорами окнами. Виднѣлся извозчикъ, глубоко ушедшій головой въ мохнатую шапку; онъ дремалъ на козлахъ. Его лошадка, густо заиндевѣвшая подъ брюхомъ и на мордѣ, понуро стояла въ оглобляхъ и о чемъ-то скучно думала, а можетъ-быть, просто дремала.

Солнечное золото ярко искрилось на снѣжныхъ хлопьяхъ, украшавшихъ противоположный домъ, на дорогѣ, на дремавшемъ извозчикѣ и его лошадкѣ.

Ирѣдка мелькалъ подъ окномъ съежившійся на холоду прохожій и было слышно, какъ громко хрустѣлъ подъ торопливыми шагами снѣгъ.

Митька завидовалъ извозчику; ему казалось, что очень хорошо сидѣть на козлахъ и дремать и чувствовать, какъ тепло пригрѣваетъ яркое солнце. Прохожіе, похрустывая ногами по снѣжной дорогѣ, проходили мимо окна, и Митька торопливо бѣжалъ за ними взглядомъ и мыслями. Онъ думалъ, что всѣ эти закутавшіеся люди не чувствуютъ холода, что имъ очень весело на морозѣ и что ни у одного изъ нихъ нѣтъ холодной, сумрачной комнаты, въ какой живетъ онъ и мать.

Неожиданно извозчикъ пересталъ дремать, выпрямился на козлахъ, натянулъ возжи и, какъ будто, наполовину выпросталъ изъ

мохнатой шапки голову. Передъ нимъ остановился сѣдобородый баринъ въ мѣховой шубѣ. Они долго о чемъ-то перебрасывались словами. Потомъ баринъ усѣлся въ сани. Извозчикъ тряхнулъ головой, возжами, лошадка встрепенулась и, стряхая съ себя снѣжную пыль, дернулась въ оглобляхъ; сани безшумно скользнули по дорогѣ и пропали за окномъ.

На улицѣ стало тихо, пустынно и скучно, скучно. Митька побѣжалъ думами за извозчикомъ, но это показалось скучно, и онъ отвернулся отъ окна.

— Мамка, скоро обѣдать? — обернулся Митька въ глубину комнаты, къ женщинѣ, перебиравшей изъ сундука разное тряпичное добро. — Ъсть хочется.

— Успѣешь, — отозвалась Марья и не оглянулась на сына. Она была низенькая, широкоплечая; лицо у ней полное, но безъ румянца, глаза сѣрые, глядѣли какъ-то устало и скучно.

— Успѣешь, отецъ скоро придетъ, — повторила она и, бросивъ послѣднюю рубаху въ сундукъ, шумно захлопнула крышку.

— Дда, долго, скучно, — отозвался Митька.

Дешевые часы-чикалки показывали со стѣны безъ четверти двѣнадцать. Ровно въ двѣнадцать часовъ на заводѣ окончатъ работу и Митькинъ отецъ — токарь по дереву — придетъ домой, и тогда они сядутъ за столъ обѣдать.

Минуты тянулись томительно долго. Митька скучалъ; онъ вѣрилъ, что когда пообѣдаетъ, то въ комнатѣ и на душѣ станетъ тепло и отрадно...

Тягуче и гулко прогудѣлъ фабричный гудокъ. Мимо окна то-ропливо замелькали темные силуэты рабочихъ.

Митька опять прислонился къ окну и глядѣлъ на улицу. Въ каждомъ прохожемъ онъ ожидалъ встрѣтить отца, но ошибался. Улица наполнялась черными, съ прокопченными лицами, рабочими, скрипомъ снѣжной дороги, говоромъ; она словно ожила и заговорила, засмѣялась бодро и весело...

Минута, двѣ, три минули... улица опустѣла, затихла, стала по-прежнему сонная и скучная, скучная. Отецъ не приходилъ.

— Митька! накрой столъ-то, — окликнула Марья. — А я пойду изъ печи горшки доставать.

Митька накрылъ скатертью столъ и выложилъ ложки и хлѣбъ. Марья вернулась изъ кухни съ дымящимся паромъ чугуномъ, а за

нею слѣдомъ пришелъ Андрей, зарумянившійся съ заиндевѣвшей бородой.

— Папенъка, что такъ долго не приходилъ?—спросилъ Митька.

— Такъ, постоялъ съ однимъ,—отозвался Андрей, сбрасывая съ себя на постель туjurку и шарфъ.

Всѣ молчаливо усѣлись за столъ. Марья выложила изъ чугуна на тарелку мясо и поставила передъ мужемъ. Андрей вооружился вилкой и ножомъ и сталъ рѣзать мясо на мелкіе кусочки и сыпать въ миску. Потомъ Марья налила изъ чугуна щей и всѣ, крестясь, взяли за ложки.

— Что новенькаго на заводѣ?—спросила Марья.

— Ничего, работаемъ себѣ,—отозвался Андрей, усиленно прожеывая кусокъ хлѣба.

Помолчали. Каждый сосредоточенно жевалъ и про себя думалъ.

— Вахрамѣву изъ токарной, по утру палецъ шестернями оторвало,—высказался Андрей.—Знаешь, такой черненькій, юркій?

— Знаю,—отозвалась Марья.—Такой маленькій и черный какъ уголь? Онъ еще на Успеневъ день у насъ пѣсни пѣлъ?

— Ну да. Пара ребятишекъ у него, дѣвочки.

— Какъ же это его угораздило?

— Ужъ угораздило. Я не видалъ. Пришелъ, а онъ блѣдный-блѣдный у верстака стоитъ, рука у него въ тряпку обернута, а на полу лужа крови.

— Охъ! вотъ она доля наша горькая!—вдохнула Марья.

Опять помолчали. Марья наложила въ миску каши и помазала свинымъ саломъ.

— А за нашего-то просилъ?—спросила она.

— Просилъ. Мастеръ велѣлъ обождать недѣлку.

— Скоро, Митька, и ты будешь копѣйку зарабатывать,—обернулся Андрей къ сыну.

— Поработаю,—горделиво отозвался Митька.—А сколько мнѣ въ день жалованья положить?

— Двугривенный, сколько-жъ тебѣ.

— Ой, ой! А когда я вырасту съ тебя, рубль буду получать?

— Учись, получишь. Ты не ростомъ бери, а головой, соплякъ.

— Нашъ мастеръ нынче такую загвоздину получилъ—угоришь.

— Какъ получилъ?

— Пришелъ утромъ слесарь Панкратовъ на заводъ работы

просить; онъ у насъ раньше работалъ, парень молодой, здоровый. Ну, поклонился мастеру, а мастеръ плечами пожалъ: не надо—и от-вернулся. И чудно какъ-то вышло, Панкратовъ стоялъ, стоялъ на мѣстѣ, а потомъ догналъ мастера и ударилъ въ загривокъ. Мастеръ свалился, носъ раскроилъ.

— Ишь какой озорной! Схватили его?

— Сторожа въ участокъ повели.

— Да зачѣмъ онъ очень озлился?

— А поди у него спроси.

Андрей съ минуту подумалъ и добавилъ:

— А какъ не озлиться-то... поди, голодный ни день, ни два ходить. Дѣло темное.

Пообѣдали. Андрей покрестился на образа и сказалъ:

— Я, Маша, сосну полчаса, а ты съ первымъ гудкомъ побуди.

Андрей залегъ въ постель, а Марья принялась убирать со стола. Митька, обрядившись въ пальто и нахлобучивъ на голову шапку, выбрался на улицу.

II.

День стоялъ морозный. Солнце свѣтило ярко, но не грѣло.

На дворѣ было пустынно. Тихо, неподвижно стояли запущенные снѣгомъ флигеля. Ни одной живой души не видать по двору; рѣдко-рѣдко кто нибудь изъ жильцовъ торопливо прошагаетъ домой или изъ дому. И только однѣ галки да вороны, отыскивавшія у помойки пищу, своими громкими голосами нарушали безмолвіе двора.

Митька, запустивъ въ рукава пальто руки, съежившійся, неуклюже разбѣгался и катился на подошвахъ по раскатаной ледяной тропкѣ.

Досыта накатавшись по льду, онъ побѣжалъ въ дворницкую сторожку. Добылъ деревянную лопату и сталъ усердно сгребать по двору снѣгъ. Въ минуту нагребъ порядочную кучу, упыхался; лицо у него зажглось яркимъ румянцемъ и самъ онъ весь согрѣлся, словно побывалъ въ жарко натопленной хатѣ.

По двору проходилъ мальчикъ-гимназистъ лѣтъ тринадцати, смуглолицый, съ румяными щеками. Шинель на немъ распахнулась и обнажила сѣрую куртку, перепоясанную ремнемъ съ мѣдной бляхой, а ранецъ неуклюже сползъ со спины на плечо. Онъ увидалъ Митьку и громко окликнулъ:

— Митька! Что дѣлаешь?

— А, Сережа! Здравствуй! — отозвался Митька, просіявъ добро-душно-привѣтливой улыбкой. — Изъ гимназіи?

— Да. Холодно? Озябъ?

— Нѣтъ, тепло. Видишь, снѣгомъ балуюсь.

— Пойдемъ, погрѣйся у насъ. Я пообѣдаю, тогда сходимъ на Красную улицу, къ товарищамъ. Пойдешь?

— Что жъ, пойду. Я гуляю.

Митька отправился къ Сережѣ на кухню грѣться. По дорогѣ онъ поласкалъ себя надеждой, что, быть можетъ, сегодня кухарка Анисья добрая и угоститъ какимъ-нибудь сладкимъ кускомъ.

— Здравствуй, тетенька Анисья, — остановившись на порогѣ кухни, привѣтствовалъ Митька пожилую, толстую женщину.

— Здравствуй. Зачѣмъ пожаловалъ? — сурово сдвинувъ на глаза сѣдые брови, отозвалась Анисья.

— Я, тетенька, погрѣться. Сережа велѣлъ.

— Ишь таскаешься, одна помѣха отъ тебя.

— Я не помѣшаю, тетенька.

У порога стояла табуретка и Митька занялъ собой половину ея сидѣнья. Изъ груди у него куда-то выбралась отрадная надежда, что, быть можетъ, сегодня кухарка Анисья добрая... И было жалко, что онъ ѣлъ только кислые щи да кашу.

Анисья налила въ миску супу, на тарелку положила котлеты и еще какую-то ватрушку, и все это понесла въ барскія комнаты.

„Должно-быть Сережѣ“ — подумалъ Митька, жадно вдыхая вкусный запахъ супа и жаренаго мяса, распространившійся по кухнѣ. — „Здорово господа лопаютъ. И откуда они такую уйму денегъ достаютъ“...

Ласковый Анисьинъ голосъ оборвалъ Митькины размышленія.

— На-ка поѣшь, — сказала она и сунула Митькѣ въ руку цѣлую котлету.

— Спасибо, тетенька, — обрадованно поблагодарилъ Митька.

„Сердитая, сердитая, а добрая“, — думалъ онъ, уписывая за обѣщекіи вкусную котлету и слѣдя за Анисьей, перемышавшей въ мѣдномъ тазу тарелки.

Анисья разговорилась.

— Мать-то дома? — спросила она.

— Дома.

— Работаетъ что?

— Работаетъ. Давеча рубахи чинила.

На улицѣ день засумерничалъ. И кое-гдѣ въ домахъ по окнамъ свѣтились огни.

Сережа и Митька торопливо шли на Красную улицу.

— Съ горы покатаемся,—объщаль Сережа. — Наши гимназисты хотѣли сегодня снѣжную крѣпость строить.

— Ловко!—порадовался Митька.

— Будемъ въ разбойники играть, ты за насъ бейся.

— Ладно. Ужъ постою.

Пришли въ домъ на Красной улицѣ. На дворѣ бой былъ въ полномъ разгарѣ. Мальчики раздѣлились на двѣ кучки, занявъ по снѣжной горѣ-крѣпости, и со своихъ позицій бомбардировали друга друга снѣжками. Смѣхъ, веселый говоръ широкой волной разливались по двору.

Сережа и Митька издали заглядѣлись на побоище и обоихъ ихъ охватило горячее желаніе принять участіе въ борьбѣ; въ грудь заползала горделивая радость за себя, что вотъ ринешься въ бой и... побѣдишь.

Неожиданно изъ ближней кучи борцовъ выдѣлился высокій мальчуганъ въ гимназической фуражкѣ и подбѣжалъ къ новымъ пришельцамъ.

— Здравствуй, Корольковъ,—протянулъ онъ Сережѣ руку въ перчаткѣ.

— Здравствуй, Сивцевъ,—откликнулся Сережа.—А это—Митька, на нашемъ дворѣ живетъ. Здоровякъ.

Сивцевъ протянулъ Митькѣ руку.

— За насъ?

— А то за кого же?—добродушно усмѣхнулся Митька.

— Ну, тогда гайда въ крѣпость.

И Сивцевъ побѣждалъ передомъ, на ходу громко крича:

— Урра, къ намъ помощь подоспѣла.

Сережа и Митька смѣшались въ кучѣ знакомыхъ и незнакомыхъ мальчиковъ. Митька хваталъ снѣгъ, сжималъ бомбу и съ крикомъ пускалъ ее въ неприятельскую крѣпость. Минутой среди мальчугановъ закипалъ веселый смѣхъ, восторженная похвала какому-нибудь счастливцу, удачно срѣзавшаго бомбой неприятеля.

— Господа, на приступъ. Смѣлѣе,—вдругъ раздалась команда

Сивцова. И вся ватага воиновъ съ криками: ура—стремглавъ пустилась на непріятельскую крѣпость.

Митька смѣло врѣзался въ кучу непріятелей и усердно работалъ кулаками; онъ сбросилъ съ крѣпости подвернувшагося подъ руку мальчугана и самъ получивъ тумака въ спину, полетѣлъ внизъ. При паденіи онъ ткнулся лицомъ въ снѣгъ и оцарапался, а когда всталъ, то наверху услышалъ побѣдоносные крики, и среди чужихъ голосовъ громко выдѣлялись голоса Сережи и Сивцова.

Домой Митька вернулся радостный; позади оставалось весело проведенное время, руки и лицо горѣли въ жару, а въ ушахъ хорошей музыкой звучали голоса товарищей.

Въ комнатѣ не свѣтился огонь и не было ни отца, ни матери. Митька въ раздумѣ остановился на порогѣ, не зная, оставаться ли дома или опять вернуться на улицу.

— Мить, это ты? — окликнула изъ-за перегородки квартирная хозяйка.

— Я, тетенька Степанида. А мамка куда ушла, не знаешь?

Хозяйка не отозвалась, а черезъ минуту сама пришла въ комнату.

— А ты не тоскуй, Мить,—сказала она.

Митька въ ея словахъ почувалъ что то угрожающее и ему какъ то вдругъ стало скучно.

— А гдѣ мамка?—опять спросилъ онъ.

— Къ отцу ушла... въ больницу.

— Зачѣмъ въ больницу?!

— А отцу руку машиной попортило, онъ въ больницѣ... А ты, Мить, не плачь.

Митька не плакалъ. Онъ не вѣрилъ, что отецъ искалѣченъ, не могъ измѣрить душою глубину ужаса, что породнился съ отцемъ, съ матерью и съ нимъ; онъ только тосковалъ, что вотъ нѣтъ дома отца, нѣтъ матери. А вѣдь пора ужинать, чай пить.

Квартирная хозяйка ушла изъ комнаты. Митька долго сидѣлъ за столомъ и думалъ. Нѣсколько часовъ назадъ отецъ былъ здоровъ, и ни какой думки о больницѣ не было. А теперь... руку машиной попортило, и отецъ въ больницѣ, и мать...

Митькѣ было скучно и онъ хотѣлъ уйти на улицу, но вспомнилъ, что на улицѣ холодно, поежился и остался на мѣстѣ. Потомъ голодъ вытѣснилъ у него изъ головы всѣ думы объ отцѣ, о матери, о холодѣ. Онъ нашарилъ въ столѣ хлѣбъ и соль и сталъ закусывать.

Незамѣтно Митька въ стулѣ задремалъ. Ему снились Сережа Корольковъ, Сивцовъ и много незнакомыхъ лицъ. Всѣ они добро и ласково улыбались ему, манили куда то. Снился отецъ. Онъ былъ добрый, веселый и все по головѣ гладилъ, и обѣ руки у него были здоровыя—прездоровыя...

И Митька во снѣ сладко улыбался...

III.

Утро было пасмурное, холодное... И на душѣ у Митьки и у Марьи было пасмурно, холодно и скучно...

Марья съ заплаканнымъ лицомъ глубоко задумалась надъ налитой чаемъ чашкой. Митька какъ то робко заглядывалъ матери въ глаза, и только теперь измѣрилъ душою ужасную глубину постигшаго ихъ горя. Глаза у него были сухи, но на душѣ было пасмурно. Не хотѣлось ничего ни ѣсть, ни пить.

— Мамка, а вылѣчуть у папаньки руку?—спросилъ онъ.

— Не знаю,—скучно отозвалась Марья.—Можетъ вылѣчуть, а можетъ и нѣтъ.

И по лицу у ней прокатились двѣ свѣтлыя слезы.

— А ты, мамка, не плачь, слезы—не помога.

— Эхъ, Митька, Митька! Пойми, отецъ то сдѣлался калѣкой на всю жизнь. Кто насъ будетъ кормить? Обувать? Одѣвать?

— А я то буду работать. Я и тебя и отца прокормлю.

— Глупышъ! думаешь, легко работать.

День тянулся томительно долго и скучно. Марья просто не находила мѣста, все плакала и слонялась по комнатѣ изъ угла въ уголъ, то вдругъ принималась чинить что нибудь изъ бѣлья,—но работа валилась изъ рукъ...

Митьку тяжело придавило неожиданно появившееся горе, и онъ, скучный, сидѣлъ дома, забывъ про улицу, про товарищей. Онъ вспоминалъ отца здороваго, веселаго, добраго, и ему казалось, что вотъ-вотъ отворится дверь и на порогѣ покажется отецъ и весело крикнетъ: „а ну-ка, Маша, что есть въ печи все на столъ мечи. Два дня не ѣлъ“. Но дверь не отворялась. И грозное сознаніе говорило: отецъ калѣка, никогда онъ не будетъ смѣяться...

Андрей лежалъ въ постели, когда Марья и Митька пришли въ палату. Онъ встрѣтилъ ихъ слабой улыбкой.

— Папанька!—тихо вскрикнулъ Митька, останавливаясь у изголовья. Его поразила мертвенная блѣдность въ лицѣ отца и лежавшая на груди забинтованная рука. „Правда—отецъ калѣка“. И въ первый разъ Митькѣ стало страшно до слезъ.

— Здравствуй, Митя,—отозвался Андрей.—Ну, поцѣлуй меня.

Митька порывисто прилѣпился губами къ отцовою бородѣ и горячо поцѣловалъ. Оторвался и на глазахъ заблестѣли слезы.

— Папанька, папанька,—безсмысленно забормоталъ онъ.—Мамка плачетъ... я работать...

— Присядь, Митя. Не бойся, я поправлюсь, опять работать пойду. Докторъ обѣщалъ вылѣчить руку.

Андрей утѣшалъ сына. Марья стояла молчаливая и упорно сдерживала въ груди готовыя вырваться наружу слезы. Мужъ и сынъ ей были очень близки, очень дороги и она видѣла ихъ несчастными—и это было тяжело.

— Поправлюсь,—утѣшилъ Андрей и жену.—На харчи деньги возьми въ конторѣ, заработаныхъ есть пять рублей съ копѣйками. А Митьку то денька черезъ два сведи къ мастеру, можетъ быть, возьметъ.

— Схожу,—отозвалась Марья.—А ты поусерднѣй проси доктора, пусть вылѣчитъ. Скажи, молъ, сироты остались...

— И зачѣмъ не глядѣлъ, что дѣлаешь, куда руки суешь,—горько упрекнула Марья.

— Когда глядѣть то. Стоишь за машиной и только думъ, какъ бы побольше заработать, какъ бы безъ нужды день спровадить... И я самъ не пойму, какъ ошибся. Сколько лѣтъ работалъ—и ничего. На заводъ шелъ и не думалъ, что калѣкой вернусь...

Марья и Митька посидѣли съ полчаса и пошли домой.

Митька шелъ грустный—грустный; теперь онъ вѣрилъ, что отецъ никогда не вернется домой здоровый и веселый. Онъ калѣка на всю жизнь.

И тяжело было мириться съ горькой дѣйствительностью.

IV.

— Митька, что такой скучный? И на улицу не выходишь.

— Не хочется. Вчера къ отцу въ больницу ходилъ. Теперь онъ изувѣченный.

— Изувѣченный?!

Митька и Сережа Корольковъ встрѣтились на дворѣ и разговорились. Сережа въ первый разъ услышалъ, что Митькинъ отецъ изуродовалъ себѣ руку, и удивлялся.

— А какъ же онъ руку сломалъ?

— Въ машину попала.

— Въ машину?

— Много народу калѣчить эта машина. А отецъ на вѣкъ безрукимъ сдѣлался.

— А почему не выдумаютъ такую машину, что бы она не могла калѣчить людей?

— Не знаю. Надо умныхъ людей спросить. Инженеровъ.

— Когда я выучусь, то буду инженеромъ,—признался Сережа.— Я сдѣлаю хорошую-хорошую машину и никому не будетъ страшно управлять ею. Ужъ я тогда буду умный, придумаю.

— Придумывай. Отца жалко...

— Тебѣ тогда хорошо будетъ работать, не искалѣчишь руку.

Они поговорили и разстались. Сережу увлекла мысль сдѣлаться инженеромъ. Онъ шелъ домой и въ воображеніи видѣлъ себя окруженнымъ рабочими, которые его восторженно благодарили.

Митька весь день продумалъ о всемъ, что обѣщалъ въ будущемъ Сережа. Было поздно, когда онъ захотѣлъ еще разъ посильнѣе попросить Сережу, что бы онъ не забылъ своего обѣщанія.

„Машина не будетъ калѣчить людей, какъ хорошо,“—думалъ Митька, отворяя дверь на кухню Сережиной квартиры.

Анисья сидѣла за столомъ и пила чай.

— Что тебѣ?—Спросила она.

— Сережу. Позови, тетенька Анисья, на минутку.

— Ишь какую позноту заявился. Сережа спитъ.

Митька вернулся домой скучный. Показалось, что Сережа забылъ о своемъ обѣщаніи, никогда не сдѣлается инженеромъ.

И онъ, засыпая, въ постели думалъ:

„Завтра напомню. Онъ пойдетъ въ гимназію, а я подстерегу и напомню.“

Г. Володинъ.

Гортань.

Читатель, вы помните, что прошлый разъ я упомянулъ о томъ, что вы говорите съ помощью аппарата, называемаго „гортанью“. Вамъ, конечно, уже интересно узнать какъ устроенъ этотъ аппаратъ? не такъ-ли? Но когда вы узнаете, насколько просто и несложно устройство вашей говорильной машины, вы въ удивленіи только разведете руками, и; можетъ быть, скажете: „ну да, я такъ $\frac{1}{3}$ и думалъ!“

Устройство гортани настолько просто, что мнѣ даже не хочется тратить времени на его объясненіе. Лучше всего, если вы сами приготовите себѣ вашу гортань. Для этого вамъ придется взять только деревянную трубку шириной, приблизительно, въ $\frac{1}{2}$ вершка (можно использовать старый пеналъ) и сѣзать одинъ конецъ ея наискось—домикомъ—(какъ показано на рисункѣ). Затѣмъ наложить сверху двѣ полоски тонкой резины и привязать ихъ нитками (см. рис. № 2). Вотъ и все. Если теперь вы станете дуть въ другой конецъ трубки, то вы услышите такой-же точно крикъ, какой слышали ваши родные, когда вы впервые появились въ ихъ домѣ. Другими словами—вы услышите крикъ младенца еще не умѣющаго членораздѣльно говорить.

Трубка, которую вы смастерили, представляетъ собой верхній конецъ вашего „дыхательнаго горла“. Резиновые полоски изображаютъ „голосовыя связки“, а пространство между ними (рез. полосками) со отвѣтствуетъ „голосовой щели“. Само-собой разумѣется, что природа устроила вашу гортань не изъ такого грубаго матеріала, какъ дерево, резина и нитки, а выбрала для своей работы болѣе деликатные хрящи и мышцы... Но это не такъ уже важно, и не бѣда, если вы не будете знать всѣхъ подробностей. Зато теперь вы имѣете представленіе о томъ, откуда берутся тѣ звуки,

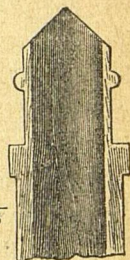

Рис. 1

Рис. 2.

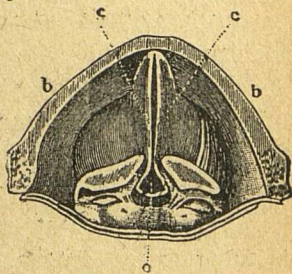

Рис. 3.

которые, при помощи языка, неба, зубовъ и губъ переходятъ въ ясную и отчетливую человѣческую рѣчь.

Н. Якубовскій.

Горючіе газы.

I.

Возьмите чистую жестяную коробочку, вродѣ тѣхъ, въ которыхъ продается вакса, пробейте посрединѣ ея крышки гвоздемъ небольшую дырочку, положите въ коробочку березовой коры, или просто щепокъ, плотно закройте ее крышкой, поставьте въ печь на горячіе уголья и посмотрите,—что будетъ?

Когда коробка хорошо нагрѣется, изъ дырочки, пробитой въ крышкѣ, пойдетъ тонкою струйкою бѣловатый дымокъ. Зажгите этотъ дымокъ и онъ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Надъ дырочкой будетъ стоять высокій и очень красивый огненный языкъ.

Черезъ нѣсколько времени это пламя потухнетъ. Тогда откройте коробочку и посмотрите: вмѣсто коры или щепокъ тамъ осталось только немного угля.

Куда же дѣлись щепки? Отъ жару онѣ химически *разложились* на уголь и тотъ бѣловатый дымокъ, который вы зажигали. Этотъ горючій дымокъ называютъ *свѣтильнымъ газомъ*. Если его пропустить черезъ воду, то онъ промоется и сдѣлается чистымъ, прозрачнымъ и невидимымъ, какъ воздухъ. Это и есть тотъ самый *газъ*, который горитъ въ фонаряхъ на улицахъ большихъ городовъ.

Такой способъ разложенія дерева при помощи теплоты, называется *сухою перегонкою дерева*.

Но не только дерево можно подвергнуть сухой перегонкѣ—то же самое можно сдѣлать и съ *каменнымъ углемъ* и съ другими веществами.

Газъ, который употребляется для освѣщенія улицъ и домовъ, добывается на заводахъ сухою перегонкою каменнаго угля, а съ заводовъ по трубамъ, проложеннымъ подъ землею, проводится въ рожки уличныхъ фонарей и въ дома.

Люди не сразу придумали такіе газовые заводы. Дѣло завелось съ маленькаго опыта. Одинъ человѣкъ наложилъ въ коробку каменнаго угля, нагрѣлъ ее на огнѣ и изъ каменнаго угля сталъ выдѣ-

ляться газъ. Тогда человѣкъ взялъ коробку побольше, жаръ посильнѣе, нагрѣлъ угля побольше, а газъ пустилъ по трубамъ. Такъ изъ маленькаго дѣла вышелъ большой заводъ. Теперь такихъ заводовъ много въ каждомъ большомъ городѣ.

Каменный уголь на заводахъ нагрѣваютъ въ большихъ чугуновыхъ *ретортахъ* (нашу коробку отъ ваксы тоже можно назвать ретортой, когда въ ней на огнѣ мы добываемъ свѣтильный газъ).

Въ ретортахъ каменный уголь разлагается на *свѣтильный газъ*, *коксъ*, который хорошо горитъ безъ пламени и дыму, *горную смолу* или *асфальтъ* и многія другія очень полезныя вещества, изъ которыхъ одни идутъ для приготовленія красокъ, другія на лѣкарства, изъ третьихъ же готовятъ духи.

Подобно каменному углю, изъ дерева также получаютъ кромѣ свѣтильнаго газа и угля еще деготь, смолу, древесный спиртъ и древесный уксусъ.

Свѣтильный газъ состоитъ изъ смѣси различныхъ горючихъ газовъ: въ немъ есть и водородъ *), есть и тотъ газъ, отъ котораго угораютъ (окись углерода), и *болотный газъ*, тотъ самый, который пугырьками выходитъ изъ дна болота, когда въ него ткнешь палкой.

II.

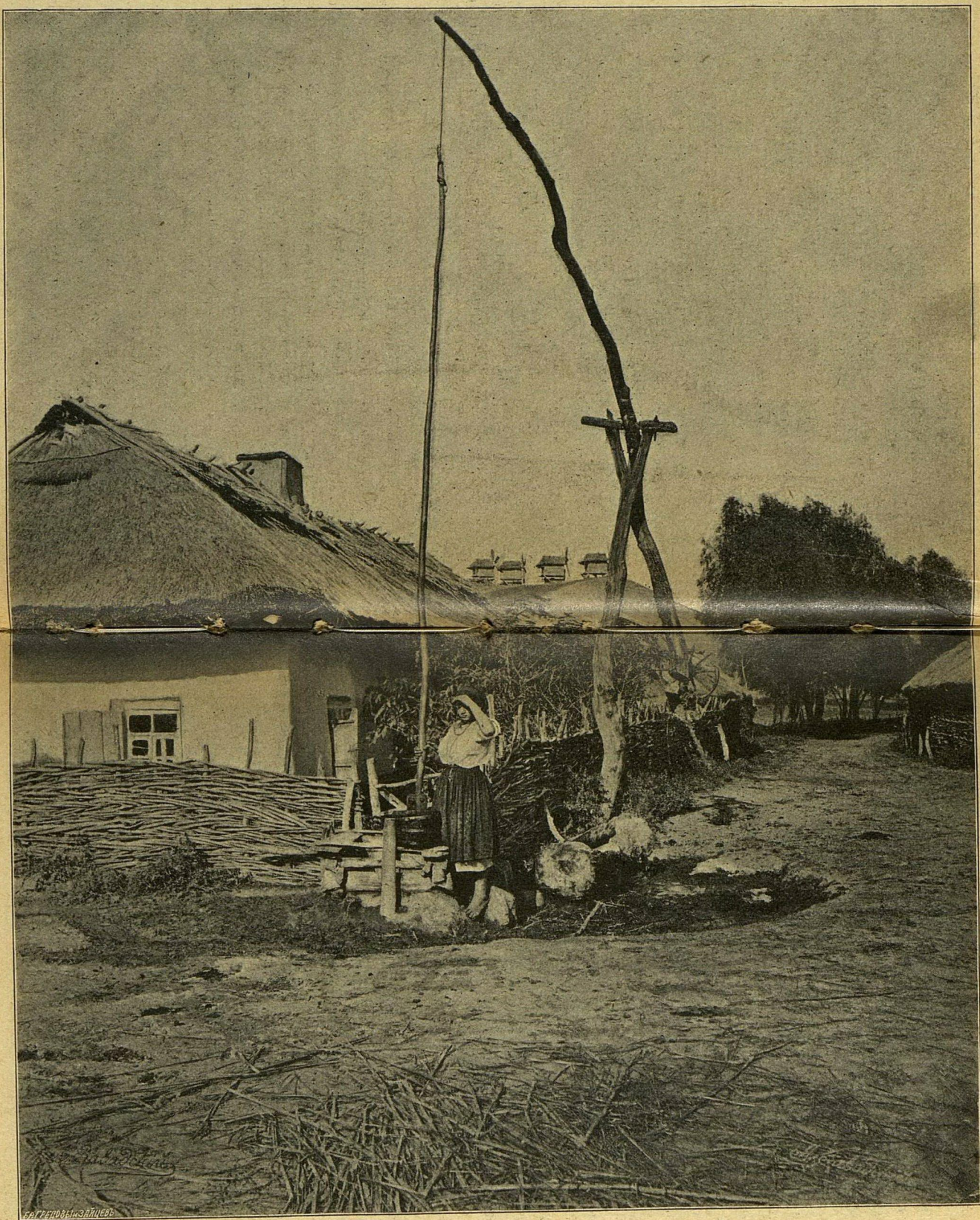
Изъ чего же на днѣ болота получается горючій газъ? Неужели и тамъ что нибудь разлагается?

Тамъ подъ водой медленно и безъ доступа воздуха разлагается *торфъ*. Растенія, которыя раньше покрывали болото, — мохъ, хвоши, плауны, — умираютъ, тонутъ и слой на слой ложатся на дно болота. Какъ и все мертвое, они разлагаются, оставляя на днѣ плотный торфъ и выдѣляя въ воздухъ болотный газъ. Вотъ почему болото и выдѣляетъ этотъ горючій газъ. На днѣ болота происходитъ то же самое, что въ ретортѣ газоваго завода или въ нашей жестяной коробкѣ. Растенія разлагаются, выдѣляя изъ себя свѣтильный газъ. Только это дѣлается медленно и безъ сильнаго нагрѣванія.

Еще болотный газъ выдѣляется въ шахтахъ, гдѣ углекопы роютъ каменный уголь. Тамъ, въ подземныхъ камерахъ, онъ встрѣчается очень часто. Болотный газъ легче воздуха и потому онъ держится вверху, у самаго потолка подземныхъ камеръ и галлерей, но иногда

*) О водородѣ см. статью „Ошибка“ въ № 14 „Дѣтскаго Мира“.

Лѣтній день въ Малороссіи.
(Фотографія).

его скопляется такъ много, что онъ смѣшивается съ воздухомъ всей пещеры. Смѣсь всякаго горючаго газа съ воздухомъ называется „гремучимъ газомъ“, который отъ огня взрываетъ съ страшною силою.

Когда болотнаго газу наберется въ каменноугольной камерѣ много, то какой-нибудь шутникъ изъ углекоповъ подниметъ вверхъ свою лампу. Отъ огня газъ вспыхиваетъ, раздается громкій, но безвредный взрывъ, по черному потолку мрачнаго подземелья пробѣгутъ синіе языки пламени и снова все спокойно.

Но иногда такія шутки до добра не доводятъ. Когда всѣ подземныя галлерей и камеры наполнены гремучимъ газомъ, т.-е. смѣсью изъ воздуха и болотнаго газа, тогда страшна малѣйшая искорка огня, опасна папироса неосторожнаго углекопа, потому что она можетъ взорвать эту гремучую мину и погубить сотни народу.

Вотъ описаніе одного такого взрыва.

Дѣло было въ Англіи. Рано утромъ человекъ 60 углекоповъ спустились въ шахту и принялись за работу. Застучали кирки, загремѣли тачки и вагончики и, можетъ быть, въ ту минуту никто изъ рабочихъ не думалъ о смерти. А между тѣмъ вотъ уже три дня, какъ въ самой большой камерѣ раздается какое-то слабое шипѣнье. Это изъ трещины въ угольномъ слоѣ выходитъ болотный газъ, а углекопы, не чуя бѣды, продолжаютъ упорно работать. Вдругъ часовъ около 11 дня въ большой камерѣ вспыхнулъ огонь. Раздался оглушительный ударъ, какъ бы ударъ грома. Подземелье дрогнуло. Посыпались доски, бревна, кирпичи и огромныя глыбы каменнаго угля. Огненная волна вырвалась изъ большой камеры и грозно пронеслась по темнымъ корридорамъ. Затѣмъ послѣдовалъ второй взрывъ, еще болѣе ужасный. Громовые раскаты вновь пронеслись по всему подземелью. Огненные языки пылающаго газа лизали черные своды, накаляя уголь и воздухъ. Что уцѣлѣло отъ перваго взрыва, то погибло теперь. И все это совершилось въ нѣсколько минутъ. Настала гробовая тишина. Жизнь въ подземельи оборвалась. Обгорѣлые и изуродованные трупы углекоповъ то тамъ, то сямъ валялись среди груды обломковъ. Всѣ 60 человекъ пали жертвою взрыва болотнаго газа.

Встарину, когда шахты освѣщались простыми лампами, такіе взрывы случались часто; но теперь употребляютъ лампочки, огонь которыхъ со всѣхъ сторонъ огражденъ мѣдною сѣткою. Такіе лампочки не даютъ взрыва.

Скопляющійся въ копяхъ болотный газъ люди иногда употребляютъ съ большою пользою для себя. Его проводятъ по трубамъ наверхъ, какъ бы изъ природнаго газоваго завода и освѣщаютъ имъ дома и улицы.

Вы спросите, почему же и изъ каменнаго угля выдѣляется точно такой же газъ, какъ и изъ торфяного болота? А это потому, что торфъ и каменный уголь родные братья по своему происхожденію.

Большіе миллионы лѣтъ тому назадъ солнце свѣтило ярче и земля была теплѣе и воды въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ было больше. Въ тѣ времена людей еще не было на землѣ. Это было очень давно!

Въ лѣсахъ тогдашнихъ не было ни птицъ, ни звѣрей, ни другой какой-нибудь твари съ теплою кровью. Тамъ водились скорпіоны, пауки и сверчки, величиною съ курицу, тараканы въ полъ-аршина длины, клопы съ синицу ростомъ, тысяченожки страшнаго вида, бѣлые муравьи и Богъ знаетъ какія еще болѣе пакостныя твари, о которыхъ мы ничего не знаемъ.

Рыбъ еще не было тогда и воды рѣкъ, морей, озеръ и болотъ кишѣли разнообразнѣйшими раками, большими и малыми.

Воду и сушу населяли громадныя ящерицы и змѣи невѣроятнаго вида и величины. Нѣкоторыя изъ нихъ были разъ въ десять длиннѣе лошади. Въ водѣ плавали лягушки, величиною съ вола и чудовища, полу-рыбы, полу-змѣи, достигавшія семи саженей въ длину. Теперь въ нашихъ моряхъ уже нѣтъ такихъ, хотя старые моряки и увѣряютъ, что видали морскую змѣю въ четверть версты длиною.

По поднебесью порхали крылатыя ящерицы; однѣ изъ нихъ были маленькія, съ воробья величиною, но были и такія, что размахъ крыльевъ у нихъ достигалъ 8 аршинъ.

Итакъ, въ тѣ древнія времена, когда людей еще и въ поминѣ не было, землею княжили и владѣли только ящеры да насѣкомыя чудовищныхъ размѣровъ. Имъ принадлежали моря и земли, озера и рѣки, лѣса и болота и даже самый воздухъ.

Лѣса, которые украшали землю въ тѣ старыя времена, были еще болѣе сказочны и странны. Въ нихъ не было ни сосенъ, ни елей, ни могучаго дуба, ни кудрявой бѣлоствольной березы.

Необыкновенныя деревья подымали тамъ къ солнцу свои могучія вершины. Въ тѣ дни хвощи достигали высоты нашихъ дубовъ и росли

какъ громадныя тростники. Густыя заросли ихъ на низкой болотистой почвѣ имѣли, вѣроятно, очень красивый видъ.

Плауны тогда были богатырями среди деревьевъ; ихъ безлистые стволы высились на 30 аршинъ надъ землею.

Развѣсистые папоротники со своими толстыми стволами и громадными перистыми листьями на вершинѣ, густымъ лѣсомъ стояли надъ теплымъ болотомъ.

Какой удивительный, какой волшебный видъ имѣли эти лѣса, въ которыхъ наши мхи и травы достигали высоты дубовъ и пальмъ!

Эти деревья-великаны отъ старости или сломленные бурей падали въ болото, на которомъ росли и тамъ, въ водѣ, безъ доступа воздуха, въ теченіе миллионовъ лѣтъ медленно разлагались и разлагаются до нашихъ дней. Теперь вода древняго болота, поглотившаго цѣлые лѣса, уже высохла, а процессъ разложенія все продолжается. Происходитъ какъ бы сухая перегонка древняго лѣса въ подземныхъ ретортахъ: остается каменный уголь и выдѣляется свѣтильный газъ.

Вотъ почему изъ болота и изъ пластовъ каменнаго угля выходитъ совершенно одинаковый газъ. Пройдутъ еще миллионы лѣтъ и нашъ теперешній торфъ сдѣлается каменнымъ углемъ.

И. Воскобойниковъ.

Воздушные Крейсера.

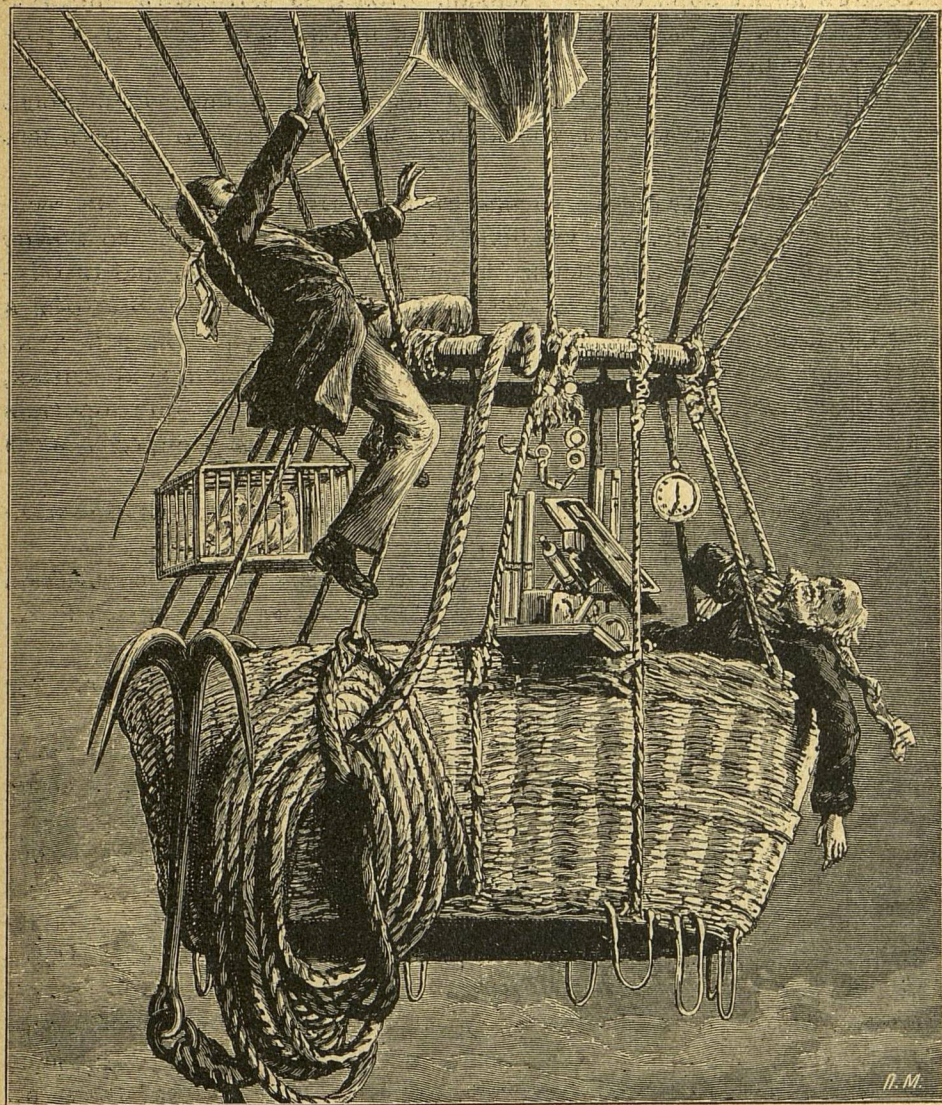
Путешественники въ облакахъ.

(Окончаніе).

Успѣшныя путешествія на воздушныхъ шарахъ натолкнули ученыхъ на мысль воспользоваться этими полетами и придать имъ научный характеръ.

Съ этой цѣлью Джемсъ Глезхэръ въ 1862 г. предпринялъ цѣлый рядъ воздушныхъ путешествій. Научныя экспедиціи Джемса Глезхэръ нельзя считать первыми, до него было предпринято, не только французами, но и его соотечественниками, англичанами, цѣлый рядъ подобныхъ экспедицій. А такъ какъ Джемсъ Глезхэръ съ капитаномъ своего воздушнаго корабля Коксуеллѣ поднялись значительно выше своихъ предшественниковъ, то ихъ полету слѣдуетъ удѣлить особое вниманіе.

Желая собрать возможно больше наблюдений надъ свойствами и дѣйствіемъ воздуха, Глезхеръ и его товарищъ приобрѣли большое количество различныхъ специальныхъ приборовъ. Прикрѣпили ихъ къ доскѣ, которую и положили поперекъ гондолы. Положенная такимъ

способомъ доска образовала узенькій столъ, за которымъ впослѣдствіи Глезхэръ ни разъ записывалъ свои наблюденія и старался разгадать тайну неба.

Когда всѣ приготовленія были окончены, капитанъ поднялъ якорь. Городъ, откуда они только-что выѣхали, быстро исчезъ изъ глазъ.

Странныя и чудесныя явленія, съ которыми наши путешественники сталкивались, только увеличивали желаніе подняться возможно выше. Тамъ, въ безпредѣльной вышинѣ, они надѣялись найти объясненіе многимъ загадочнымъ явленіямъ. Они неслись все быстрѣй и быстрѣй, поднялись выше плотныхъ дождевыхъ тучъ. Видѣли тѣнь своего шара на бѣлой поверхности облаковъ, окруженную красными, круглыми радугами. Когда сквозь разорванные тучи они бросили взглядъ на покинутую землю, то она имъ показалась неопредѣленной туманной картиной.

За туманомъ нельзя было видѣть ни лѣсовъ, ни широкихъ зеленыхъ луговъ, ни веселыхъ шумныхъ рѣкъ.

И такая картина заманчивѣй и интереснѣй всякой волшебной сказки о чудесныхъ странахъ. Передъ глазами была дѣйствительность, а не вымыселъ.

Когда наши путешественники поднялись на разстояніе 5000 футовъ надъ землей, то шаръ попалъ въ массу дождевыхъ тучъ, толщиной въ 1000 фут. Минуты черезъ четыре онъ прорѣзалъ тучи и вынырнулъ въ полосу солнечнаго свѣта.—Когда шаръ поднялся выше тучъ, то у Глезхэръ появилось желаніе сдѣлать съ нихъ фотографическій снимокъ, но шаръ поднимался такими быстрыми и неровными кругами, что снимокъ сдѣлать не удалось. На высотѣ 21,000 фут. (или 4 миль) капитанъ замѣтилъ, что дышать дѣлается труднѣй. Требовалось много усилій, чтобы выкидывать песокъ за бортъ гондолы. Шаръ несея все быстрѣй и быстрѣй, четыре съ половиной, пять, пять съ половиной миль. Небо становится синѣе, пока не дѣлается почти чернымъ. Даже на высотѣ 29,000 футовъ, когда края гондолы покрылись инеемъ, а храбрые путешественники дрожали отъ холода, какъ въ самый холодный зимній день, приборы съ поразительной точностью отмѣчали измѣненія, происходившія въ атмосферѣ. Глезхэръ, который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разсматривалъ значки и цифры на своихъ приборахъ, потерялъ сознаніе и склонился на край корзины.—Сознаніе потерялъ онъ не сразу, какъ онъ объ этомъ рассказывалъ

впослѣдствіи, а постепенно. Раньше всего онъ замѣтилъ, что когда онъ пытался достать нѣкоторые изъ своихъ инструментовъ, то руки отказывались ему повиноваться. Когда-же взгляды его остановился на капитанѣ, который лѣзъ въ кольцо, чтобы схватить канатъ и дать шару желаемое направленіе, онъ попробывалъ съ нимъ заговорить, но не могъ произнести ни одного слова. Затѣмъ наступилъ глубокій обморокъ.

Капитанъ Коксуеллъ чувствовалъ себя не лучше своего товарища. Адскій холодъ сковалъ его члены. А воздушный корабль поднимался все выше. Собравъ послѣдній остатокъ силъ, онъ схватилъ окоченѣвающими руками кругъ, зубами поймалъ канатъ, далъ два или три сильныхъ толчка.—Шаръ пересталъ подниматься.—Закоченѣвшія отъ холода руки отказались повиноваться, Коксуеллъ выпустилъ кругъ и упалъ въ корзину.

Оправившись отъ своего паденія, капитанъ замѣтилъ, что стрѣлка барометра стоитъ перпендикулярно. Шаръ пересталъ подниматься на высотѣ 7 миль.

Глезхэръ съ помощью Коксуеллъ пришелъ въ себя. Когда они пустились въ обратный путь, то были совершенно здоровы, и дѣлились пережитыми впечатлѣніями.

Мы забыли сказать, что, кромѣ Глезхэръ и капитана, на воздушномъ кораблѣ было еще шесть пассажировъ. Это были голуби.

Первый изъ нихъ былъ выпущенъ на свободу на высотѣ 3 м. надъ землей, но упалъ широко раскинувъ крылья, и продолжалъ падать, пока не достигъ болѣе плотнаго воздуха. Второй голубь былъ болѣе сильной птицей, выпущенный въ 4 миляхъ отъ земли, онъ полетѣлъ быстро кружась и постепенно опускаясь. Третій, выпущенный еще выше, упалъ какъ камень.

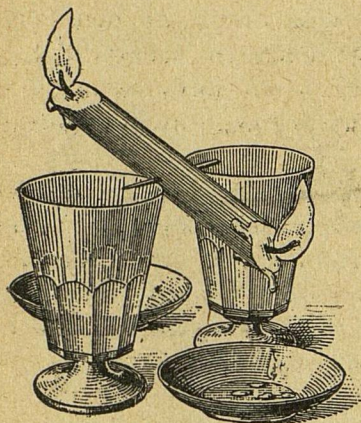
Четвертый-же усѣлся удобно на верхушкѣ шара и такимъ образомъ совершилъ обратное путешествіе.

Глезхэръ и Коксуеллъ могли справедливо гордиться своимъ полетомъ. Ни одинъ еще воздушный шаръ не поднимался на такую высоту, и, когда подобная попытка была предпринята во Франціи тремя знаменитыми воздухоплавателями, то двое изъ нихъ поплатились жизнью на высотѣ 5 миль. Воздухъ былъ такъ рѣдокъ, (разряженъ), что они не могли дышать.

Конецъ.

Свѣча - маятникъ.

Возьмите обыкновенную стеариновую свѣчку и 2 булавки. Нагрѣвъ немного острія булавокъ, воткните ихъ въ середину свѣчки, перпендикулярно къ длинѣ ея, какъ показано на рисункѣ. Затѣмъ приготовьте два стакана, поставьте ихъ рядомъ, на такомъ разстояніи, чтобы на края ихъ можно было положить приготовленную вами свѣчку. Вы получите приборъ, напоминающій собою вѣсы. Подъ концами свѣчи поставьте по блюдечку, чтобы стеаринъ не капалъ прямо на скатерть.

Зажгите свѣчу съ обѣихъ сторонъ. Тотъ конецъ свѣчки, который, вслѣдствіе большаго вѣса, опустится внизъ, начнетъ скорѣй расплавляться, чѣмъ другой конецъ, поднятый кверху. Вслѣдствіе этого, онъ скоро станетъ легче другого и подымется кверху. Тоже самое произойдетъ и съ опустившимся концомъ: быстро расплавляясь, онъ вскорѣ станетъ легче своего товарища и подымется кверху и т. д. Въ результатѣ вы получите интересныя качели, раскачивающіяся безъ посторонней помощи. И если вы прикрѣпите къ концамъ свѣчки маленькихъ куколокъ (лучше всего вырѣзанныхъ изъ бумаги) то доставите имъ громадное удовольствіе.

Вулканъ въ тарелкѣ.

Изъ смѣси стальныхъ опилокъ и сѣры *) можно устроить маленький вулканъ. Смѣшавъ ихъ и разбавивъ горячей водой, до густоты кашицы, смѣсь эту выложить на тарелку и придать ей форму конуса. Поверхность конуса покрыть слоемъ глины, смѣшанной съ мелкими гвоздиками. На верху оставить небольшое отверстіе въ видѣ кратера. Черезъ 25 минутъ изъ кратера выбивается клубъ дыма и вскорѣ вся тарелка принимаетъ видъ маленькаго вулкана.

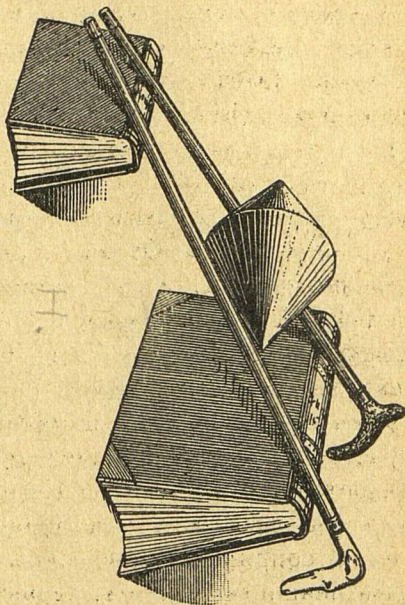
*) Сѣры надо взять 50 частей, а опилокъ 100 частей.

Паденіе вверхъ.

Слыхали-ли вы когда-нибудь, что можно упасть вверхъ? Навѣрно — никогда. Точно также нельзя и катиться въ гору. Если вы возьмете какой-нибудь круглый предметъ и положите его на покатоое мѣсто, то онъ скатится. Куда? Конечно внизъ.

Склейте теперь изъ тонкаго картонна или толстой бумаги двойной конусъ*), какъ показано на рисункѣ, и положите его на двѣ палки, положенныя съ небольшимъ уклономъ, но такъ, чтобы разстояніе между верхними концами ихъ было шире разстоянія между нижними. Къ вашему удивленію, изготовленный вами предметъ покатится не внизъ, а вверхъ. Полюбовавшись чудомъ, которое вы сотворили — попробуйте разгадать загадку и узнать, отчего происходитъ такая странная исторія. Разгадать это не трудно. Стоитъ только внимательно прослѣдить за приборомъ, когда онъ катится. Присмотрѣвшись, мы замѣтимъ, что хотя намъ и кажется, будто аппаратъ нашъ подымается кверху; но на самомъ-же дѣлѣ—онъ опускается внизъ. Если смѣримъ бумажной разстояніе между столомъ и нашимъ приборомъ въ началѣ опыта и послѣ него—то легко убѣдимся въ этомъ.

Бесѣды о дѣтскомъ чтеніи.

Изъ біографій многихъ знаменитыхъ людей мы знаемъ, какое огромное значеніе имѣютъ на судьбу человѣка прочитанныя въ дѣтствѣ книги. И это вполне естественно: въ дѣтствѣ человѣкъ наиболѣе воспріимчивъ ко всѣмъ вліяніямъ извнѣ. Вліяніе же книги

*) Конусомъ въ геометріи называется тѣло въ видѣ сахарной головы—круглый клинъ.

особенно могущественно, ибо оно захватываетъ всего человѣка, всѣ стороны его духовной жизни. Вотъ что говорятъ объ этомъ выдающіеся умы разныхъ народовъ. „Книги — говоритъ Пет-рарка — никогда не надоедаютъ мнѣ и даютъ отвѣты на всѣ мои вопросы. Однѣ изъ нихъ рассказываютъ мнѣ о дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ, другія раскрываютъ передо мной тайны природы. Однѣ учатъ меня, какъ жить, другія — какъ умирать. Однѣ, своею живостью, разгоняютъ мои заботы и тоску, другія закаляютъ мою душу, научая обуздывать свои желанія и во всемъ зависть лишь отъ самого себя. Однимъ словомъ, онѣ открываютъ передо мною всевозможные пути къ наукамъ и искусствамъ, и на ихъ указанія я вполне могу положиться“. По замѣчанію Рескина, „въ книгахъ мы имѣемъ отборнѣйшія мысли гениальнѣйшихъ людей въ ихъ наилучшемъ выраженіи“. Джонъ Гершель считаетъ книги лучшимъ обществомъ всѣхъ временъ исторіи. Онъ говоритъ: „Развейте въ человѣкѣ страсть къ чтенію, дайте ему возможность удовлетворять ее, т.-е. предоставьте ему хороший выборъ книгъ, и вы сдѣлаете его счастливымъ. Вы введете его въ лучшее общество всѣхъ временъ, поставите его въ соприкосновеніе съ лучшими типами въ смыслѣ остроумія, возвышенности, чистоты характера, украшавшими когда-либо человѣчество. Вы сблизите его со всѣми націями, со всѣми эпохами. Книги открываютъ передъ человѣкомъ невѣдомые міры“.

Таково значеніе книгъ въ жизни человѣка. Но всякая ли книга, при всѣхъ ли условіяхъ можетъ сослужить человѣку всю свою великую службу, дѣйствительно быть его наставникомъ и другомъ? Книгъ, которыя были бы вредны для всѣхъ читателей, которыя никому не могли бы принести пользы, по нашему глубокому убѣжденію, нѣтъ и быть не можетъ. Одна и та же книга, вредная для одного читателя, можетъ оказаться полезной и незамѣнимой для другого. Не интересная и не нужная въ одинъ моментъ жизни читателя, та же самая книга съ восторгомъ будетъ встрѣчена тѣмъ же читателемъ при другихъ условіяхъ его жизни.

Итакъ, вообще вредныхъ книгъ нѣтъ; каждая книга на своемъ мѣстѣ можетъ принести пользу. Нужно только умѣло пользоваться этимъ величайшимъ достояніемъ человѣчества, нужно только знать, когда что читать и какъ читать.

Въ жизни современной намъ молодежи книга пріобрѣла небывало большое значеніе. Книга начинаетъ теперь свое дѣйствіе въ самомъ

раннемъ возрастѣ. Съ трехъ-четырехъ лѣтъ ребенокъ уже находится подъ ея вліяніемъ: онъ слушаетъ чтеніе старшихъ, а нерѣдко и самъ уже читаетъ. Отчеты публичныхъ библіотекъ свидѣтельствуютъ, что главную часть посѣтителей библіотекъ составляетъ молодежь.

Все это заслуживаетъ большого сочувствія и поощренія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ огромной мѣрѣ возрастаетъ значеніе разумнаго руководства дѣтскимъ чтеніемъ. Книгъ теперь огромное море, такъ что всего не перечитать, и есть постоянная опасность, что лучшія произведенія литературы могутъ остаться не прочитанными. Еще Мильтонъ предостерегалъ противъ такой опасности: „Слѣдите зорко за книгами, многія изъ нихъ подлежатъ строжайшему суду, какъ злоумышленные преступники: отнимая драгоцѣнное время у читателя, онѣ наносятъ смертельный ударъ хорошимъ книгамъ, въ которыхъ авторы сосредоточили всю суть житейской мудрости въ назиданіе потомству“. И мы знаемъ, что много талантливыхъ писателей у современной молодежи попало въ число „забытыхъ“. И произошло это только потому, что эти писатели не были даны своевременно.

Журналъ „Дѣтскій Міръ“, признавъ необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло, взялъ на себя трудъ оказывать своимъ читателямъ посильную помощь въ домашнемъ чтеніи. На страницахъ журнала отнынѣ будутъ помѣщаться отзывы о новыхъ, лучшихъ книгахъ для дѣтскаго чтенія, будутъ даны списки избранныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія, будутъ указываться пособія для самостоятельнаго выбора книгъ (рекомендательные каталоги) и т. п. Журналъ надѣется, что такимъ путемъ онъ поможетъ юному читателю съ наименьшей затратой времени извлечь наибольшую пользу изъ той великой сокровищницы человѣческаго генія, которая называется литературой.

П. Шестаковъ.

Журналъ обращается къ г.г. авторамъ и издателямъ книгъ для дѣтскаго чтенія съ покорнѣйшей просьбой—присылать ему для отзыва книги или хотя-бы увѣдомлять о выходѣ ихъ въ свѣтъ.

Населеніе Туркестана.

Для того, чтобы попасть изъ Азіи въ Европу черезъ Великія Ворота народовъ, надо пройти черезъ Туркестанъ, такъ какъ сѣвернѣе находится почти непроходимая солончаковая степь. Солончаками называется песчаная равнина, пропитанная солью, которая иногда выступаетъ на поверхность земли и тогда земля кажется точно покрытой снѣгомъ. На солончакахъ растетъ только невысокое дерево саксаулъ и колючая трава. Саксаулъ очень твердое и хрупкое дерево, которое годится только на топливо. Весной и часть лѣта оно покрывается зеленью и мелкими цвѣтами красновато-сиреневаго цвѣта. Остальное время года оно стоитъ совершенно голымъ. Оно напоминаетъ скорѣе кустарникъ, чѣмъ дерево.

Южная часть Туркестана проходитъ вдоль цѣпей горъ, съ которыхъ стекають ручьи и рѣчки. Въ этомъ мѣстѣ иногда бываетъ даже богатая растительность, такъ какъ почва плодородная и ей недостаетъ только воды.

Поэтому всѣ племена проходили по этой части Туркестана.

Какъ я уже говорилъ, большая часть Азіи населена желтой расой, которая дѣлится на двѣ большія вѣтви, монгольскую и туранскую.

Какъ я уже говорилъ, около семисотъ лѣтъ назадъ появились въ Туркестанѣ монголы подъ предводительствомъ Чингизъ-Хана. Онъ всю свою жизнь велъ войны и ему была подвластна почти вся средняя Азія.

Этотъ Чингизъ-Ханъ послалъ свои орды въ Европу. Онѣ напали на русскихъ въ 1224 году и побѣдили ихъ. Побѣдивъ, они ушли или обратно въ Туркестанъ или-же поселились въ теперешнихъ южно-русскихъ степяхъ.

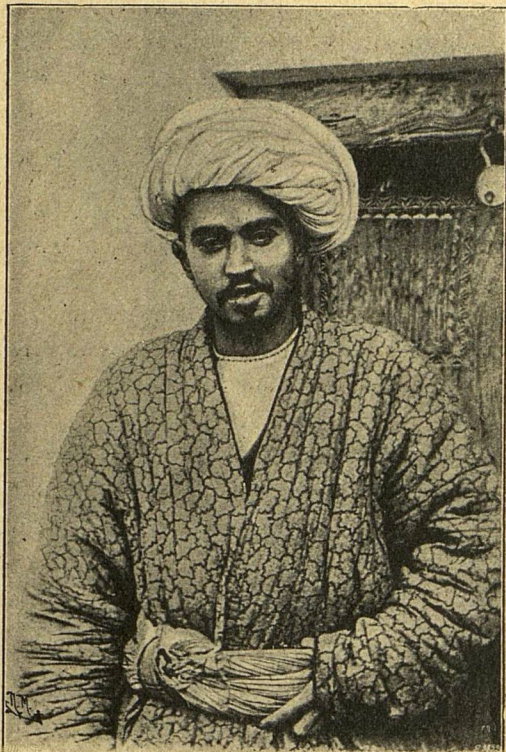
Когда умеръ Чингизъ-Ханъ, царство его распалось на отдѣльныя орды. Между прочимъ отдѣлилась большая орда, которую называли Золотой ордой. Она поселилась около Каспійскаго моря, въ нижнемъ теченіи Волги.

Золотая орда черезъ тринадцать лѣтъ послѣ перваго нападенія татаръ на Россію, опять пришла въ предѣлы Руси и покорила русскихъ. Съ тѣхъ поръ русскіе были подъ татарскимъ игомъ около двухсотъ пятидесяти лѣтъ и платили имъ дань.

Отъ Золотой орды тоже отдѣлялись орды; онѣ образовали Казанское и Крымское царства.

Лѣтъ пятьсотъ назадъ появился страшный завоеватель Тамерланъ или Тимуръ. Онъ опять подчинилъ себѣ всю среднюю Азію и устроилъ свою столицу въ Самаркандѣ, который существуетъ въ Туркестанѣ и сейчасъ.

Сартъ.

Этотъ Тамерланъ былъ не только свирѣпымъ завоевателемъ, который избивалъ побѣжденныхъ тысячами и велѣлъ складывать изъ ихъ головъ пирамиды, онъ покровительствовалъ ученымъ и художникамъ. Легенды про него рассказываютъ, что онъ родился съ сѣдыми волосами и въ рукѣ у него былъ кусокъ окровавленнаго мяса. Другая легенда говоритъ, что отцомъ его былъ волкъ.

Когда Тамерланъ завоевалъ Туркестанъ, онъ сталъ украшать свою столицу Самаркандъ и для этого изъ дальнихъ мѣстъ своего царства выписывалъ зодчихъ (архитекторовъ), художниковъ и ученыхъ. Мусульмане очень набожны, поэтому Тамерланъ сталъ строить богатыя мечети (храмы) и мадресе (училища для духовенства).

Сами хаканы (такъ стали называть себя ханы Туркестана до времени Тамерлана, что значитъ великій ханъ или монархъ) жили въ сравнительно простыхъ домахъ, которые мало отличались отъ домовъ богатыхъ людей и слѣдовъ отъ нихъ почти не осталось, но на постройку мечетей, мадресе и усыпальницъ (то-есть склеповъ, куда кладутъ мертвыхъ) не щадили денегъ. По вѣрованію мусульманъ нельзя угодить богу больше, чѣмъ выстроить мечеть или еще при жизни устроить усыпальницу. Поэтому всѣ наиболѣе могущественные хаканы строили великолѣпныя мечети. Многія изъ этихъ мечетей сохранились и до сихъ поръ, несмотря на то, что въ Туркестанѣ бывають часто землетрясенія.

Обыкновенно на мечетяхъ писали изрѣченія и молитвы изъ корана, а на надмогильныхъ камняхъ кромѣ того похвалы умершему, перечисленіе его побѣдъ, родословную (то-есть кто былъ отецъ, мать, дѣдушка умершаго).

Обыкновенно въ такихъ надписяхъ очень льстили умершему. Приписывали всякія достоинства, которыя имъ и не снились. Ихъ называютъ милостивыми, необыкновенно учеными, мудрыми. На самомъ дѣлѣ это были обыкновенные жестокіе восточные владетели.

Послѣ смерти Тамерлана его царство стало понемногу тоже распадаться.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ русскіе начали завоевывать Туркестанъ, такъ какъ нѣкоторые племена кочевали, были воинственны и нападали на русскія границы. Въ это время въ Туркестанѣ было три ханства: Бухарское, Кокандское и Хивинское. Нѣсколько разъ приходилось русскимъ возвращаться изъ походовъ, такъ какъ надо было идти безводными степями при страшной жарѣ. Однако, въ концѣ-концовъ, покорили Кокандское ханство и его владѣнія присоединили къ Россіи, потомъ покорили Бухарское ханство (ханъ котораго называется эмиромъ). Въ этомъ ханствѣ находился и Самаркандъ. Часть владѣній съ городомъ Бухарой оставили эмиру, а другую часть съ Самаркандомъ отняли и присоединили къ Россіи. Эмира сдѣлали вассальнымъ, то-есть подчиненнымъ русскому владычеству, и заста-

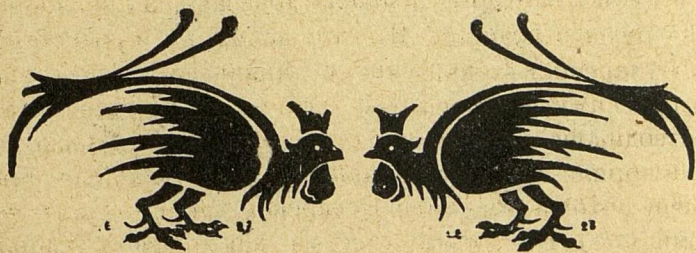
вили платить дань. Дольше другихъ не могли завоевать Хивинскаго ханства. Наконецъ его тоже завоевали.

Двадцать семь лѣтъ назадъ генералъ Скобелевъ покорилъ послѣднее туркменское племя Теке и взялъ ихъ крѣпость Геокъ-Тепе. Съ тѣхъ поръ уже весь Туркестанъ принадлежитъ русскимъ.

Жители Туркестана принадлежатъ къ тремъ племенамъ. На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Ташкента живутъ киргизы, племя, принадлежащее къ монголамъ. Къ югу и на западъ отъ Ташкента живутъ сарты. Главные города въ ихъ земляхъ Ташкентъ, Маргеланъ, Кокандъ, Самаркандъ, Бухара. Сарты дѣлятся на два племени: узбековъ и таджиковъ. Таджики живутъ тамъ, гдѣ раньше было Бухарское ханство, то-есть гдѣ города Бухара и Самаркандъ, а узбеки, гдѣ было ханство Бухарское съ городами Ташкентомъ, Кокандомъ и Маргеланомъ. Они не отличаются другъ отъ друга и только въ языкѣ есть небольшія различія. Сарты вѣроятно произошли отъ смѣшенія татарскихъ племенъ съ турецкими. Теперь сарты очень миролюбивый народъ. Главныя ихъ занятія хлѣбопашество, скотоводство и торговля.

Туркмены, которые живутъ въ западномъ Туркестанѣ полукочевое племя. Они и до сихъ поръ разбойничаютъ, а раньше наводили ужасъ на весь Туркестанъ своими набѣгами. Они болѣе смуглы, чѣмъ сарты и носятъ не чалму, а бараньи папахи. Туркмены принадлежатъ къ туранской вѣтви желтой расы. Теперь они занимаются, какъ и раньше, скотоводствомъ и изрѣдка хлѣбопашествомъ. Къ туркменамъ принадлежатъ и хивинцы.

Н. Тюринъ.

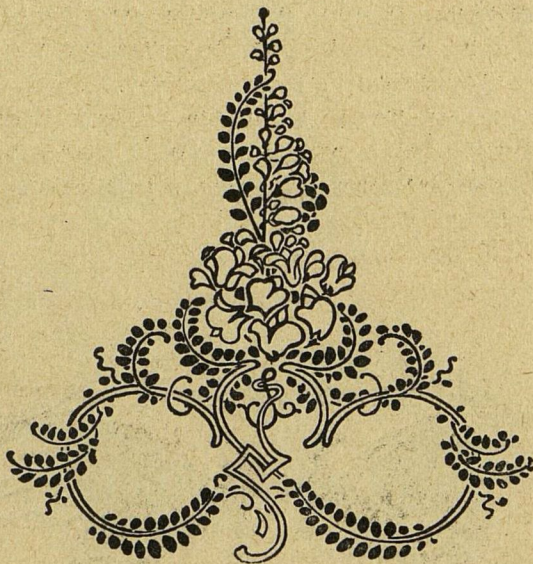

З и м а.

Въ тучахъ сѣрыхъ издалека
Прикатила къ намъ зима—
И повисъ на голыхъ сучьяхъ
Бѣлый снѣгъ, какъ бахрома.
Свѣтлымъ льдомъ покрылась рѣчка,
Не струится, не журчитъ;
Лѣсъ стоитъ, какъ заколдованъ,—
Думу думаетъ,—молчитъ.
И въ поляхъ—безлюдно, пусто,—
Замолчала жизнь и тамъ;
Только вѣтеръ, снѣгъ взметая,
Грустно воетъ по ночамъ!...

Ив. Бѣлоусовъ.

Издания годъ II.

Открыта подписка на 1908 годъ

Издания годъ II.

НА ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ.

Органъ Народнаго Учителства.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2-4 листовъ.

Журналъ ставитъ своей задачей содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Народные учителя, руководители и преподаватели школъ и курсовъ для взрослыхъ, попечители школъ, заведующіе народными бібліотеками, аудиторіями, книжными складами и другими образовательными учрежденіями — вотъ тѣ работники на мѣстахъ, участіе которыхъ на страницахъ журнала признается особенно цѣннымъ. Журналъ сообщаетъ о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію, научно-педагогической литературы и общедоступной литературы, по всѣмъ отраслямъ знанія, практической дѣятельности общественныхъ учреждений и частныхъ союзовъ, а также даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

ВЪ ЖУРНАЛЬ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: Д. Н. Анучинъ, В. А. Анзимировъ, К. В. Ардакскій, С. М. Блекловъ, Я. В. Борисовъ, И. Н. Бороздинъ, Ю. А. Бунинъ, И. П. Бѣлокопскій, Ч. Вѣтринскій, А. Ѳ. Гартвицъ, Н. Н. Ге, А. К. Джигаловъ, Н. Ф. Езерскій, А. В. Заремба, А. У. Зеленко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Иорданскій, В. Е. Игнатьевъ, И. Н. Игнатовъ, П. Н. Казанцевъ, Н. В. Касаткинъ, С. А. Князьковъ, С. Г. Крапивинъ, И. О. Левинъ, А. А. Локтинъ, А. А. Мануиловъ, Э. Э. Маттеръ, П. Е. Мельгуновъ, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, С. П. Моравскій, Ѳ. Ѳ. Неидовъ, Н. М. Никольскій, И. И. Поповъ, А. С. Пругавинъ, В. А. Розенбергъ, В. В. Ротъ, Н. А. Рубакинъ, Л. Н. Рутценъ, П. Н. Сакунинъ, И. Н. Сахаровъ, Е. И. Смирновъ, М. Х. Свентицкая, Б. И. Сыроматниковъ, С. О. Сѣрополко, А. А. Титовъ, М. Ѳ. Тихомировъ, Я. М. Устиновъ, Г. А. Фальборкъ, Л. В. Хавкина, Н. В. Чеховъ, В. И. Чарнолуцскій, кн. Д. И. Шаховской, В. А. Щербъ, В. Е. Якушкинъ, Д. О. Ярошевичъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. въ годъ и 1 р. на полгода.

Цѣна отдѣльной книжки 10 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Полянка, Успенскій пер., д. 8, кв. 2.

Редакторы-издатели Н. В. Тулуновъ и П. М. Шестаковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ „ОТКРЫТКА“ на ежемѣсячный журналъ

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Отъ редакціи.
- 2) Статьи по исторіи открытыхъ писемъ.
- 3) Справочныя свѣдѣнія по изданію открытыхъ писемъ.
- 4) Списки русскихъ и иностранныхъ коллекционеровъ.
- 5) Составленіе коллекцій.
- 6) Обмѣнъ открытокъ.
- 7) Смѣсь.
- 8) Почтовый ящикъ.
- 9) Объявленія.
- 10) Рисунки.

Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой 1 руб. 50 коп., полгода 1 руб.

Объявленія принимаются по 10 коп. за строчку текста, на первой страницѣ вдвое. Плата за абонементныя объявленія устанавливается по особому соглашенію. Объявленія въ отдѣлѣ „Обмѣнъ открытокъ“ для годовыхъ подписчиковъ первая 50 словъ бесплатно, за каждое лишнее слово по 5 коп.

Подписныя деньги, письма, статьи, рукописи и проч. адресовать на имя конторы журнала „ОТКРЫТКА“ г. Калуга, Никитская ул., домъ Калашникова.

Кромѣ того подписка принимается: въ г. Калугѣ въ фотографическомъ магазинѣ В. Н. Ченцова, Ильинская ул., д. Васильевой, въ книжномъ магазинѣ А. Д. Нарчагина, Никитская ул., въ книжномъ магазинѣ О. О. Юрьева, Благовѣщенская ул., д. Фишеръ, въ табачномъ магазинѣ Ю. Б. Имшанчи, Облупская ул., д. Власова, въ Управленіи С.-В. ж. д. у В. М. Ранова, Матеріальная служба. Въ О.-Петербургѣ: у Ѳ. И. Егорова, Садовая ул., 81, кв. 9.

Первый № высылается за 4 марки по 7 коп., которыя при подпискѣ засчитываются.

Редакторъ-издатель И. Цеплинскій.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

— Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. —

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Іохимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

- „ ОДЕССѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.
- „ КІЕВѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.
- „ РОСТОВѢ н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.
- „ КАЛУГѢ, въ фотографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе казенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначенныхъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяць бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Перепелкинъ.